

Дина Рубина

Адам и Мирьям

Часть сборника
Цыганка (сборник)

Между времен

Дина Рубина
Адам и Мирьям

«ЭКСМО»

2007

Рубина Д. И.

Адам и Мирьям / Д. И. Рубина — «Эксмо», 2007 — (Между времен)

ISBN 978-5-457-10741-0

«Земную жизнь пройдя до половины... да что там! — давно перевалив эту умозрительную вершину, я научилась водить автомобиль. Сдала экзамен на права и еще месяца три по здешним законам ездила «с сопровождением», то есть с собственным мужем, человеком педантичным и обстоятельным, с безгливой гримасой наблюдавшим за моей суетливостью новичка. Черт-те что я вытворяла первое время, то и дело вскипая, бросая руль, наваливаясь на него в испуге...»

ISBN 978-5-457-10741-0

© Рубина Д. И., 2007

© Эксмо, 2007

Дина Рубина

Адам и Мирьям

Земную жизнь пройдя до половины... да что там! – давно перевалив эту умозрительную вершину, я научилась водить автомобиль.

Сдала экзамен на права и еще месяца три по здешним законам ездила «с сопровождением», то есть с собственным мужем, человеком педантичным и обстоятельным, с брезгливой гримасой наблюдавшим за моей суетливостью новичка. Черт-те что я вытворяла первое время, то и дело вскипая, бросая руль, наваливаясь на него в испуге.

Но в некий прекрасный день – промозглое и омерзительное февральское утро – я наконец оказалась одна в этом домике на колесах, в этом батискафе с рулем, в этом сухопутном корабле, где вдруг ощутила себя полновластным капитаном собственной жизни...

Нет, все это не передает... не может описать чувство упоительной... ага, уже ближе... дело в том, что я вдруг вспомнила подростковую украденную свободу, какая овладевала мной, если вместо уроков я сбегала в зоопарк, или садилась в пригородную электричку и, выйдя на станции Чирчик, шлялась до вечера по окрестным полям и бахчам совершенно одна. Вот нечто такое испытала я, когда впервые оказалась одна за рулем, со всех сторон укрытая панцирем машины, всевластно свободная в направлении движения и мыслей...

Шел сильный дождь. Иерусалимский камень, которым облицованы дома и замощены тротуары, в солнечные дни впитывает воздушный жар, а к вечеру отдает его, излучая сахарное свечение, поэтому город приподнимается и дышит, как грудь спокойно спящего на рассвете...

Но этот же камень в зимние темные дни непроницаемо тверд и угрюм. Резкий ветер гонит вдоль тротуаров бытовой мусор окрестной жизни, повсюду валяются вороньи тушки сломанных зонтов, бессильных против горного ветра, и тускло отсвечивают на головах обитателей религиозных кварталов мокрые полиэтиленовые мешки, в которые они оборачивают свои недешевые шляпы.

Я запустила «дворники», и когда с монотонным шарканьем они смахнули с лобового стекла водяную пелену, успокаивая и даря вольным одиночеством, столь мною любимым, я ощутила полную отгороженность от мира и – свободу, юную украденную свободу...

Я сразу успокоилась и поняла, что со временем буду уверенно и элегантно водить эту колыхагу.

Почему бы не податься куда-нибудь... – думала я, медленно отъезжая от центральной автобусной станции, к которой только что подвезла дочь. – Скажем, поехать к Васо и Манане, похлебать грибного супчику... Да, вот именно, и очень кстати: горячего грибного супу!

Перестраиваясь с правой полосы в левую, чтобы развернуться на светофоре, краем глаза сквозь запотевшее боковое стекло я заметила пожилую даму на тротуаре. Она пыталась открыть зонт, который явно заклинило. Дождь свободно заливал ее синее пальто, почти уже черное от воды, шляпка тирольского фасона уныло сбилась набок...

Я развернулась и подкатила к ней, «подрезав» при этом белую «хонду», возопившую вслед резким протяжным гудком.

– Садитесь! Дама наклонилась к открытой дверце, взгляделась в меня.

Вот теперь стало видно, что она уже стара, пожалуй, к восьмидесяти, – издали ее молодила худощавая и довольно прямая фигура в модном пальто, а также эта ухарская шляпка; но вблизи глубокие морщины откровенно являли возраст. Глаза, впрочем, смотрели цепко и даже насмешливо под высоко наведенными бровями. Вообще вблизи она не казалась такой беспомощной. И чего я всегда лезу, куда меня не просят...

– Но... куда вы едете?

– Неважно, я подвезу вас.

– Мне неловко, – сказала она. – Я вся мокрая...

– Да садитесь же, черт возьми, этой рухляди ничего уже не повредит.

Она кивнула и устроилась на заднем сиденье.

Мы поехали. Со всех сторон мне сигналили нервные местные автомобилисты. Я кого-то подсекала, внезапно перестраивалась перед светофором, обнаружив, что еду не по той полосе... Мне сейчас явно не хватало моего «сопровождения» справа с его раздраженными окликами: «Ну куда ж ты-и-и?!», и «А ну-ка сбавь!», и «Красный, красный, сто-о-о-п!»... Да и ливень в Иерусалиме означает не то чтобы катастрофу, но все же явное дорожное напряжение. Горки у нас, крутые повороты, узкие улицы... а тут еще я, балда стоеросовая, неумелая и наглая...

– Так куда вам все-таки? – Я взглянула в зеркало заднего обзора. Старая дама глядела в окно с детской заинтересованностью, будто ей было абсолютно все равно, куда ее везут, лишь бы ехать.

– Мне все равно, – тут же и подтвердила она мое впечатление. – А у вас русский акцент. Вы из России?

– Да... Но все же я не могу бесконечно кружить по улицам! Я сегодня впервые за рулем одна.

– Я вижу. – Она перешла на русский. – Вы ужасно водите, но очень отважно... Не знаю, наверное, мне надо вернуться в отель, ничего другого не остается. Это недалеко, на площади Сиона...

У нее тоже был небольшой акцент, я не могла понять, какой – похоже, американский.

– Но вы для чего-то же выехали в город?

– Да... но встреча сорвалась... Меня должен был забрать отсюда в Реховот сын моего мужа... Он хотел показать мне его могилу...

Я чуть не клюнула и без того помятую «шкodu», резко надавив на тормоз.

– Могилу... чью могилу? – И опять взглянула на нее в зеркало. Все то же отрешенное лицо старухи и тот же при этом молодо-цепкий взгляд в окно.

– Мужа моего... Повисла пауза. Ну что ж, возраст у нее почтенный...

Всяко может произойти с памятью...

– А вы... вы что, забыли, где он похоронен? – осторожно спросила я.

– Я никогда не была на его могиле, – сказала она просто. – Ну и, выходит, не суждено... Завтра уезжать... Неважно, все это неинтересно... – Она досадливо поморщилась. – Но мне сегодня абсолютно нечего делать.

Дали зеленый... поехали... Странная старуха, подумалось мне. Явно заговаривается... Хотя ей не шло это слово – старуха. Все-таки она оставалась именно дамой, старой элегантной дамой...

Между тем я приняла некое решение:

– Вы завтракали?

– Я не ем так рано...

– Но сейчас уже двенадцать. Послушайте... День у вас насмарку, вы промокли, зонтик явно сломан, в отеле скучно... А у Мананы и Васо подают отличный грибной супец в глиняном горшке.

Мы находились уже в пяти минутах ходьбы от харчевни, следовало куда-нибудь приткнуться. Я только начала осваивать эту смешную привязанность к своей машине, которую невозможно бросить абы где... И вдруг увидела отличное место для парковки! Это дождь сделал мне подарок. Отыскать среди дня в центре Иерусалима клочок асфальта с муниципальным прожорливым счетчиком – нужна невероятная везучесть.

Я алчно устремилась к добыче, сигналив впрок и распугивая всех вокруг, дабы никто не покусился... Сосредоточилась и стала совершать выученные на уроках вождения эти хитроумные штуки с реверсом. Переключала, крутила руль на полоборота... потом на полный оборот в другую сторону... Ничего не выходило! Машина вкатывалась задом в тесноватое пространство и в ровном ряду автомобилей вставала, как кривой зуб в челюсти. Я выезжала вновь, загоняла ее носом к тротуару, и тогда на дорогу высывалась ее пухлая задница, словно ожидая и даже упрашивая, чтобы кто-то поблагородней дал ей хорошего пенделя.

– Хотите, я? – предложила вдруг моя пассажирка. Она с любопытством следила за этими беспомощными выкрутасами.

– Давайте! Я вышла, она пересела на водительское место, и – как во сне, я не поверила своим глазам! – тремя поворотами руля, совершенными одной рукой, вернее, одной ладонью, вогнала машину точнехонько в тесное гнездо между серой «даятсу-апплауз» и синим «фордом».

– Черт побери! – ахнула я, забирая ключ. – Вот это да. Сколько же лет вы за рулем?

Она засмеялась, поднимая воротник пальто:

– Совсем немножко. Сорок пять...

Я раскрыла над нами зонт и взяла ее под руку; мы тесно прижались, набычились против хлеставших струй, и за три минуты – по мокрым плитам тротуара, через знакомую подворотню и цепочку проходных дворов, то поднимаясь, то спускаясь на несколько ступеней, – добрались до нужного переулочка. Мне даже не пришлось сбавить шага – старая дама довольно легко поспешала на немаленьких каблучках, излишних, на мой взгляд, в этой гористой местности.

Я опасалась, что мои грузины еще отсыплются после какого-нибудь вчерашнего пиршества, но железная калитка во двор была отворена.

– Сюда... – Пропустила ее вперед. Придерживая на затылке свою легкомысленную шляпку, она задрала голову и стала рассматривать типично иерусалимский дворик, мощный ноздреватыми плитами все того же местного камня. От калитки до двери в полуподвал арками шли над головой металлические перекрытия, оплетенные черными от дождя виноградными сухожилиями. На одной из ветвей скукожилась забытая гроздь, какую у нас в Ташкенте называли «заизюмленной».

Весь этот старый двухэтажный дом, настоящий иерусалимский дом мощной каменной кладки, с арочными сводами притолок и тяжелыми деревянными дверьми, с огромной плоской крышей – летними вечерами живой и заполненной до отказа, – Васо и Манана уже много лет снимали под ресторан.

На террасу второго этажа винтом взлетала наружная лестница.

– Нет-нет, вот сюда... вниз... осторожней, тут ступени... Дверь в полуподвал была приотворена, и оттуда тихо звучала традиционная трехголосная «а капелла», грузинский мужской хорал, прекрасней которого я мало что знаю на свете.

Внутри было безлюдно и полутемно – видать, только что открылись; тусклыми желтыми полукружьями светились бра на каменных стенах, завешанных коврами, бурдюками, постерами с вывесок Пиросмани; на глубоком метровом подоконнике узкогорлой шеренгой вытянулись кувшины с грузинским вином... Не очень большая комната – шесть столов, покрытых сельскими дерюжками. Стиль – грузинский духан.

– О, здесь очень мило... – сказала дама, расстегивая пальто. И опять удивила меня – под пальто на ней оказался молодежный свитерок на молнии, из тех, дешевых, которые в этом году расхватывали подростки. Моя дочь тоже купила два таких и носила их попеременно, не снимая.

Кроме того, она оказалась худа, но не старушечьей костлявой худобой, а просто худощава и длиннонога. Брюки – на бедрах – тоже явно куплены были в том же магазине молодежной моды.

Я отвела глаза и весело подумала, что оригинальная бабулька своим неожиданным прикидом уже отработала суп, которым я собралась ее угостить.

Я была здесь своей, в том смысле, что частенько приходила сюда с гостями – друзьями, знакомыми, заглядывала с мужем или одна, если надо было перекантоваться час-другой между встречами; перепробовала все чудеса их скатерти-самобранки, но предпочитала несколько блюд, всегда отменных.

Манана готовила сама, никому не доверяла.

Из коридора шесть узких и крутых ступеней вели в кухню, где было, наоборот, очень светло, уже что-то гремело, звякало, скворчало и раздавались голоса... Я поднялась туда и увидела Манану и одну из официанток, Ольгу, по-утреннему замедленную... Манана, крашеная блондинка, большая и плавная, как почти все массивные люди, источала неторопливую благость и добросердечие; она курила, сидя у полукруглого окна, закинув ногу на ногу. Под мощными лампами дневного света ее голые колени светились двумя ослепительными белыми шарами... При виде меня Манана улыбнулась и широко повела рукой с сигаретой, то ли здороваясь, то ли благословляя, то ли приглашая в дом... Ольга же – на мое «...внизу и с гостьей!» – сразу принялась заваривать ягодный чай, мой любимый, который заказываю обычно еще до всяких блюд.

Пока я отсутствовала, моя попутчица сняла и шляпку, и оказалась с короткой мальчишеской стрижкой, вернее, абсолютно седым ежиком. Спускаясь по ступеням, я увидела этот серебристый хрупкий затылок и только мгновение спустя поняла, что он принадлежит моей старой даме.

Она сидела за столом спиной к ступеням и боком к единственному окну, выходящему во дворик вровень с землей, от чего за стеклом иногда возникала трехцветная кошка, полудомашняя. Летом, случалось, эта наглая животиная впрыгивала через окно прямо на стол. Обстановка здесь была самая свойская...

По углам в каменных нишах под сводчатым беленым потолком были спрятаны динамики. И после короткой паузы над нашими головами зазвучала «Шен хар венахи», как всегда – волной глубокой и благодатной грусти. Два верхних солирующих голоса выплетали прихотливый орнамент на фоне протяжного баса, что тесными шажками полутонов переступал вверх и вниз по ступеням мелодии...

– Меня зовут Мирьям, – сказала дама. Я тоже назвалась.

– Хотите, расскажу о районе, где мы находимся? – предложила я. – Он называется Нахалат-Шивъа, это один из самых старых...

– Не надо, – остановила меня Мирьям и улыбнулась. – Я прожила в Иерусалиме изрядную часть жизни и с этим районом знакома... Знаете, что раньше было в этом подвале? Здесь много лет сидел Пабло, старик из Уругвая... Чинил и настраивал музыкальные инструменты... Конечно, он давно умер. Но мне приятно, что эти старые камни до сих пор слушают музыку... Григорианский хорал, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.